

ТОМАС КАРЛЕЙЛЬ КАК ИСТОРИК *

Е. Гутнова

Томас Карлейль, английский историк и публицист, — одна из оригинальнейших фигур в истории английской культуры. Он родился в 1795 г. в семье небогатого фермера в Северной Англии и умер в 1881 г. в Лондоне. Карлейль посвятил всю свою жизнь литературной работе.

Начало литературной деятельности Карлейля относится к 20-м годам XIX века. Выступив тогда как бунтарь-одиночка с критикой современного ему капиталистического общества, он был встречен недоумевающе враждебно признанными идеологами этого общества. В конце своей долгой жизни — в 60-х и 70-х годах XIX в. — Карлейль становится одним из популярнейших и любимейших авторов английской буржуазии, которая признаёт его своим идейным вождем.

Перу Карлейля принадлежат самые разнообразные произведения: острые политические памфлеты: «Чартизм» («Chartism») (1839), «Прошлое и настоящее» («Past and present») (1843), «Современные памфлеты» («Letter day pamphlets»), вышедшие в 1850 г., философский роман «Sartor Resertus» (1831), знаменитые лекции «Герои и почитание героев в истории» («Heroes and Heroworship in the history») (1840). Кроме того им выпущен ряд исторических работ — несколько небольших историко-биографических очерков о Вольтере (1829), Дидро (1832), Мирабо (1832), этюд «Бриллиантовое ожерелье» (посвящённый скандальной истории с ожерельем Марши-Антуанетты)¹; трёхтомная история французской революции, написанная в 1837 г., «Письма и речи Оливера Кромвеля» («Oliver Cromwell's letters and speeches») — сборник документов Кромвеля, извлечённых из архивов и изданных Карлейлем с подробными комментариями в 1845 г.; наконец, многотомная «История Фридриха II Прусского», начатая им в 1853 и законченная в 1865 году.

Как историк, Карлейль примыкал к романтической школе, которая имела в Англии мало представителей. Исторический романтизм Карлейля был обусловлен его отношением к общественно-политической действительности Англии первой половины XIX века. Поэтому, чтобы понять характерные чер-

ты Карлейля-историка, следует обратиться к деятельности Карлейля-публициста 30—40—50-х годов XIX века.

Карлейль начинал свою литературную деятельность в эпоху быстрого развития капитализма в Англии. Он был свидетелем того, как массы ремесленников, разоряясь, пополняли ряды рабочего класса, подвергавшегося жестокой эксплуатации. Карлейль собственными глазами видел то, что описал Энгельс в своей замечательной работе «Положение рабочего класса в Англии».

Выходец из мелкобуржуазной среды, Карлейль с тревогой наблюдал эти общественные сдвиги. Жажда наживы, царившая в среде буржуазии, вызывала в нём отвращение, а бедствия трудящихся масс пробуждали горячее сочувствие к рабочим. Вместе с тем растущее недовольство пролетариата, начинавшееся широкое рабочее движение пугали Карлейля перспективой революционных потрясений: в этом движении ему чудилось чуть ли не повторение Французской революции 1789 г. на английской почве.

В своих первых памфлетах — «Чартизм» и «Прошлое и настоящее» — Карлейль резко критиковал господствующий при капитализме принцип личной наживы, безудержную свободу эксплуатации, которую он называл законом *laissez faire, laissez passer*. Он обличал буржуазный парламентаризм за его бессилие урегулировать отношения между трудом и капиталом и едко высмеивал религию «респектабельных английских буржуа» — утилитаризм и рационализм, в которых он видел идеологическое выражение законов капиталистического общества. Однако в критике капитализма Карлейль выступал не с революционных позиций, на которые становился в это время молодой пролетариат Европы, но с позиций, на которых стояли остатки разбитой и экономически обессиленной феодальной аристократии, а также часть мелкой буржуазии, разоряемой развитием капитализма и не находившей себе места в новом общественном строе.

Критика Карлейля никогда не затрагивала принципа частной собственности. Она сопровождалась апологией безвозвратно минувшего средневекового феодализма с его земельно-владельческой аристократией и крепостничеством, в котором Карлейль видел более гуманную форму эксплуатации. Поэтому по своим социально-политическим воззрениям Карлейль был очень близок к тому направ-

* Статья представляет автореферат кандидатской диссертации, защищённой Т. Гутновой в МГУ.

¹ Все эти работы вместе составляют сборник «Историческо-критические очерки», имеющийся в русском издании 1898 года.

лению, которое «Коммунистический манифест» определил как феодальный социализм¹.

На этом фундаменте строится всё историческое мировоззрение Карлейля — его идеалистическое понимание исторического процесса как протест против материализма XVIII в., его культ героев как протест против буржуазных теорий XVIII в. о приращённом равенстве людей, наконец, его восторженная апология средневековья, в котором он видел антитезу современному буржуазному обществу.

В этих своих основных положениях он сходил с общим направлением романтической школы историков, широко распространённой в 20—30-х годах XIX в. в других странах Европы, особенно в Германии. Не случайно поэтому Карлейль был последователем и пропагандистом немецкой идеалистической философии Канта, Фихте и Шеллинга и откровенно признавал себя учеником немецких романтиков-историков и писателей — Новалиса, Шлегеля, Тике, — чьи произведения он с увлечением переводил на английский язык.

Однако было бы неверно прямо отождествлять Карлейля с немецкими историками-романтиками, как это делают многие, особенно немецкие биографы Карлейля.

Присущий ему оптимизм, вера в постоянный прогресс человеческого общества позволяли Карлейлю, несмотря на его увлечение эпохой средневековья, более объективно оценивать и последующие периоды европейской истории — реформацию, английскую и французскую революции, в которых немецкие романтики начала века видели лишь великое бедствие человечества, начало падения европейской культуры. По широте своего исторического кругозора, по своему таланту воплощать события и личности прошедших времён в живых, художественных образах Карлейль стоял неизмеримо выше своих немецких учителей.

Эту двойственность исторического мировоззрения Карлейля отметил ещё Энгельс в своей рецензии на «Современные памфлеты» Карлейля в 1850 г., когда он писал: «Томасу Карлейлю принадлежит та заслуга, что он выступил в литературе против буржуазии в эпоху, когда её взгляды, вкусы и идеи заполнили всю официальную английскую литературу; причём выступления его носили иногда даже революционный характер. Это относится к его истории французской революции, к его апологии Кромвеля, памфлету о чартизме, к «Past and present». Но во всех этих произведениях критика на-

стоящего тесно связана с удивительно неисторическим апофеозом средневековья»².

Это общее, исходное противоречие Карлейля-историка составляет одну из характерных черт его творчества и резко бросается в глаза при изучении исторического наследия Карлейля.

Философия истории Карлейля имеет своим фундаментом его философский идеализм. Карлейль рассматривает исторический процесс как осуществление божественных предначертаний, хотя при анализе конкретных исторических событий он часто забывает о существовании бога и изображает историю человечества как саморазвивающийся сложный органический процесс.

Основной формой существования людей Карлейль считает человеческое общество, родившееся вместе с человечеством и преобладающее время от времени изменения. Оно постоянно является в новом виде для того, чтобы затем вновь постареть и сменить свой наряд. Эта перемена общественных «одежд» (выражение Карлейля), т. е. форм общественного устройства, протекает как сложный органический и диалектический процесс, в котором «творение и разрушение совершаются совместно; пока развевается пепел старого, таинственно прядутся элементы нового»³.

В этом вечном движении всё великое, созданное человеческим духом, сохраняется и переходит к новому обществу, облегчая его движение вперёд⁴. Глубокая вера в прогресс человечества составляет характернейшую черту исторических взглядов Карлейля. «Взгляни на человечество, — говорит он, — ты всегда увидишь его в прогрессе более скором или более медленном»⁵.

Карлейль говорит, что прогрессивное развитие общества происходит путём борьбы. Но, по его мнению, борются в истории не классы, которые Карлейль как бы вычёркивает из своих философско-исторических представлений, но извечно противоположные начала — добро и зло или вера и неверие. Плодотворные и счастливые эпохи веры сменяются мрачными периодами безверия, всеобщей лжи и разложения. Однако в эпохах безверия, в самом их отрицательном характере заложены положительные элементы, так как они готовят почву для новых эпох веры. Переход от эпохи безверия к эпохе веры нередко происходит в форме революции, которая является как бы очистительной жертвой за ложь предыдущей эпохи. Поэтому Карлейль принимает революцию как одну из форм исторического развития, которая иногда бывает необходима. Такими исторически необходимыми революциями он считал завоевания варварами Римской империи, английскую революцию 1640—1660 гг. и особенно Французскую революцию 1789 года. Вместе с тем к революции как к факту

¹ Так возник феодальный социализм, частью жалоба, частью ласквилль, частью отголосок прошлого, частью угроза будущего, но временам метко поражающий буржуазию горьким, остроумным и едким суждением, но всегда производящий комическое впечатление полную неспособностью понять ход новейшей истории» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. V, стр. 503).

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VIII, стр. 281.

³ Carlyle, Sartor Resartus, p. 21.

⁴ Ibidem, p. 24.

⁵ Ibidem, p. 263.

он относился скорее отрицательно, видя в ней катастрофу, нечто враждебное естественному стремлению человека к порядку, лишь неизбежное зло.

Такое отрицательное отношение особенно заметно у него в оценке революции 1848 года. Впрочем, даже и эту революцию он признавал очистительной, ниспровергающей ложь.

Огромную роль в ходе прогрессивного исторического развития Карлейль отводит труду, в котором он видит великого воспитателя и учителя людей, залог успехов и спасения человечества. По словам Карлейля, «человек есть животное, владеющее орудием». «Нигде не найдёте вы его без орудий, без срудий он ничто, с орудием всё»¹.

Под трудом Карлейль понимает не только физический труд, но всякую полезную деятельность, направленную на совершенствование мира; в этом смысле он не делает никакой принципиальной разницы между трудом рабочего, художника, мыслителя или поэта.

Существенной особенностью общен исторических взглядов Карлейля было то, что он рассматривал историю как общечеловеческий процесс, охватывающий, наравне с европейскими народами, арабов, евреев, турок; характерна его мысль о том, что каждая нация сделала свой вклад в историю человечества.

Горячий патриот Англии, гордившийся её славою и могуществом в современной ему Европе, Карлейль порицал и высмеивал многие стороны английской жизни и истории и умел отдавать должное другим народам — участникам бесконечно многообразного процесса общечеловеческого развития.

Центральным пунктом всей исторической концепции Карлейля является его «культ героев». По представлению Карлейля, великие личности, «герои», представляют основную движущую силу исторического процесса. Эта идея появляется уже в самых ранних исторических работах Карлейля и неизменно отражается во всех его произведениях. Но особенно ясно и полно она воплощена в его лекциях «Герои и почитание героев в истории» и в «Прошлом и настоящем».

С философской точки зрения культ героев Карлейля основывался на учении немецкого философа-идеалиста Фихте об активном субъекте как единственной реальности и творческом начале мира. Для Карлейля почитание героев являлось протестом против теории всеобщего прирождённого равенства людей, выдвинутой буржуазными философами XVIII века.

По справедливому замечанию Энгельса, «культ героев» должен был прикрыть неверие Карлейля в творческие возможности человечества. «Если бы он постиг человека как человека, во всей его бесконечности, он не пришёл бы к мысли снова делить человечество на два стада — овец и козлий, правящих и управляемых, аристократов и чернь».

господ и дураков», — писал Энгельс ещё в 1843 г. в своей рецензии на «Прошлое и настоящее»².

В лекциях о героях эта идея Карлейля выступает в общей отвлечённой форме. Уже в первой лекции мы читаем: «Всемирная история, всё, что человек совершил в этом мире, есть, по моему разумению, в сущности история великих людей, потрудившихся здесь на земле»³. Он откровенно направляет это своё положение против тех историков, которые видят основную движущую силу истории в «бездельных массах». По мнению самого Карлейля, напротив, эти бездельные массы составляют лишь фон, на котором творят историю герои. Герои бывают разных видов в зависимости от исторической эпохи, и равным образом каждая эпоха имеет свою, особую форму почитания героев. Каждая из лекций Карлейля посвящена особой форме героизма: герой-бог (Один), герой-пророк (Моисей), герой-поэт (Данте и Шекспир), герой-пастор (Лютер и Нокс), герой-писатель (Руссо, Джонсон, Бёрнс) и, наконец, герой-вождь — гет (Кромвель и Наполеон), в котором Карлейль видит высшее воплощение героизма.

В таком отвлечённом толковании герои Карлейля выступают лишь как крупные индивидуальности. Они являются сознательными носителями и исполнителями божественного провидения в отличие от рядовых людей, которые служат лишь пассивным орудием в руках бога.

Но в «Прошлом и настоящем» отвлечённые герои Карлейля приобретают более реальную основу. Они выступают перед нами как «аристократия талантов», как «мудрые», призванные руководить «глупцами». Поясняя, кто из людей может считаться мудрым, Карлейль говорит: «Более мудрые, более мужественные они всегда и везде — аристократия в возможности, — во всех обществах, достигших какого-либо определённого устройства, развиваются в правящий класс, в аристократию в действительности с установленными приёмами действия; то, что мы называли законами, и даже частными законами или привилегиями»⁴.

Таким образом, в сложившихся обществах различие между героями и толпой выступает в форме сословного или классового деления на «аристократов и чернь».

В таком обществе, в период его расцвета, между героями и толпой существуют гармония интересов, патриархальные отношения, характерные для всякой эпохи веры. Но в эпохи безверия эта патриархальная гармония нарушается. Герои-аристократы забывают свои обязанности по отношению к «тол-

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. II. стр. 345.

³ Карлейль. Герои и почитание героев в истории, стр. 24. Русское изд. 1898.

⁴ Карлейль. Прошлое и настоящее, стр. 344. Русское изд. 1906.

¹ Carlyle. Sartor Resertus, стр. 43—44. Русское изд. 1904.

пе», становятся лжегероями. В таких случаях Карлейль признаёт за «толпой» право восстания, осуществляемое в революциях.

Этим объясняется тот любопытный парадокс, что в исторических работах Карлейля в качестве героев обычно выступают отнюдь не представители господствующей в данном обществе аристократии, а революционные вожди — Кромвель, Мирабо, Дантон или, во всяком случае, ниспровергатели старого — Лютер, Нокс, отчасти Наполеон Бонапарт. Однако эти допускаемые Карлейлем восстания «толпы» против лжегероев должны быть направлены вовсе не на уничтожение аристократии вообще, но лишь на смену прежних, изоглавившихся аристократов новыми, исполненными мудрости и веры.

Таким образом, своим учением о толпе и героях Карлейль в конечном итоге оправдывает классовое господство как извечный и неизбывный порядок. «Культ героев» представляет собою одну из многочисленных разновидностей субъективного метода в истории и социологии, столь блестяще раскритикованного в своё время Лениным в его работах «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» и Плехановым в его работе «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю».

Таков в общих чертах своеобразный исторический романтизм Карлейля. Его основными особенностями наряду с «культом героев» являются идея прогрессивности исторического процесса и признание революции одной из неизбежных форм его развития, идеи, чуждые многим другим представителям романтической школы начала XIX века.

На основе этих общеисторических взглядов Карлейль строит своё представление об европейском развитии истории. Однако там, где он стоит на конкретно исторической почве, несмотря на явную неправильность своих общих выводов, он часто в силу блестящей исторической интуиции, живого ощущения описываемой эпохи, даёт интересное и иногда правильное объяснение отдельных фактов. Поэтому его первые исторические работы не лишены блеска исторической мысли и весьма интересны.

Историю Европы эпохи средневековья и нового времени Карлейль рассматривал как единый прогрессивный процесс. Начало современного европейского общества он возводит к эпохе падения Римской империи в результате варварских вторжений. Европейское средневековье Карлейль, как указывалось выше, идеализировал, постоянно привлекая примеры из этой эпохи в качестве антитезы для характеристики современного общества. На этой антитезе построен его памфлет «Прошлое и настоящее». Здесь резкая критика буржуазного общества сопровождается восторженной аналогией средневековья, воплощённого в образе аббата Симсона, английского монаха XII в., в котором Карлейль видит подлинного героя, руководителя «безгласной толпы»¹. Средневековье

для Карлейля — это классическая «эпоха веры», проникнутая гармонией между управляющими и управляемыми. Выражение этой гармонии он видел в том, что люди той эпохи сумели создать свою подлинную аристократию, которую Карлейль определяет так: «Самые мужественные люди, которые в общем суть также самые мудрые, самые сильные, во всех отношениях лучшие, были ими (людьми той эпохи. — Е. Г.) выбраны с замечательной степенью точности; посажены каждый на своём клочке земли, который был сперва ему предоставлен на время, а потом постепенно и совсем отдан, чтобы он мог править им»².

Эта «мудрая» земельная аристократия идеально осуществляла свои обязанности правителей и вождей по отношению к своим крепостным, которые, хотя «кажется, получали удары так же часто, как свинные потроха, если нехорошо вели себя»³, но зато были избавлены от невыносимого господства закона *laissez faire, laissez passer* буржуазного общества. Поэтому Карлейля восхищает в истории средних веков абсолютно всё. Он восторженно и некритически комментирует монастырскую хронику Йоселина Брекляндского, излагающую деяния аббата Симсона. По ней он хочет воссоздать живой образ «счастливой, по его мнению, средневековой эпохи».

Однако, верный своей идее постоянного прогрессивного развития человечества, Карлейль не мог считать средние века идеалом для всех времён и народов: он рассматривал этот период как определённую историческую эпоху. Как бы она ни была хороша, она была подвержена разложению и упадку, как и все другие формы общества. Поэтому хотя он и считал, что будущее совершенное общество должно воспринять и некоторые стороны средневекового общественного строя, но никогда не думал о возможности полного возврата к этой навеки минувшей эпохе.

Ещё в 1840 г. в своих лекциях о героях он говорил: «Я несколько не сомневаюсь в том, что наш мир находится на пути к единению, на пути к духовной и материальной организации, гораздо более высокой, чем всякое папство и феодализм в их лучшую пору»⁴. Эта позиция, резко отличная от позиции реакционных романтиков начала века, безоговорочно считавших возврат к средневековью благом для современного человечества, позволила Карлейлю оценивать всю последующую европейскую историю гораздо правильнее, чем это делали они. Признавая, что к середине XV в. средневековая Германия совершенно разложилась, он приветствовал зарю нового общества, которую видел в последовательных ударах, наносимых старому.

² Там же, стр. 348.

³ Там же.

⁴ Carlyle. Heroes and Hero-worship, p. 109.

¹ Карлейль. Прошлое и настоящее. Часть 2-я. Русское изд. 1906.

«изолгавшемуся» феодальному строю реформацией в Германии, английской революцией 1640—1660 гг. и Французской революцией 1789 года. Реформацию он считал первым этапом этой многовековой борьбы, этапом, который означал восстание против ложных церковных авторитетов, т. е. против католицизма, превратившегося к этому времени в сочетание догматов, лишённых всякого внутреннего содержания. Поэтому Лютер был одним из его любимых героев, в нём он видел борца за счастье человечества.

Эпоху реформации Карлейль считал одним из плодотворнейших периодов европейской истории, когда были заложены первые элементы нового, более совершенного общества.

Однако для идеалиста Карлейля оставался скрытым подлинный смысл реформации как буржуазного движения. Поэтому, давая оценку Лютеру, он совершенно игнорировал его позицию в отношении крестьянских движений. И вообще всё движение реформации в Германии воплощалось для Карлейля в лице одного героя — Лютера.

Вторым этапом борьбы за новое общество, по мнению Карлейля, была английская революция 1640—1660 гг., которую он называет «восстанием против светских авторитетов». Её истории он посвятил пять томов «Писем и речей Оливера Кромвеля», вернее — свои подробнейшие комментарии к ним. В этих комментариях, в сущности говоря, Карлейль даёт историю всей революции. По его собственному признанию, целью этой работы была реабилитация Кромвеля как человека и политика. Он хотел «снять с виселицы труп Кромвеля», вздрюченный на неё историками XVIII века. Верный «культу героев», Карлейль всю революцию рассматривает как воплощение деятельности «героя» Кромвеля и даже называет её «кромвелядой». Верный своему идеализму, он видит весь смысл революции в попытке установления на земле подлинного божественного закона и подлинной аристократии героев. «Вся Англия должна была превратиться в церковь, если вам угодно так назвать это, в церковь под руководством не бесстыдных, но верных, посвящённых богу»¹, — говорит он, определяя цели революции. Расценивая всю революцию как «кромвеляду», Карлейль естественно относится ко всем её событиям с точки зрения своего героя. Он приветствует все его мероприятия и осуждает действия всех его противников.

Но именно в силу этого он принимает в революции очень многое из того, что отвергалось и порицалось не только историками реставрации, но и некоторыми современными Карлейлю буржуазными историками. Так, он всецело на стороне индипендентов в их борьбе с пресвитерианами. Он приветствует казнь Карла I, называя её «самым смелым актом в истории, совершённым группой лю-

дей (body of men) с полным сознанием того, что они делают»².

С другой стороны, Карлейль отрицательно относится к левеллерам и Джону Лильборну, считая, что они мешали Оливеру проводить в жизнь его планы. Он всецело оправдывает террористическую политику Кромвеля в Ирландии, доказывая, что иначе Кромвель не мог и не должен был поступить. Кульминационным пунктом революции он считает разгон «охвостя» и затем установление протектората, так как народ сумел этим актом, наконец, избрать себе подлинного вождя-героя.

Такая трактовка революции, основанная, с одной стороны, на идеалистическом понимании Карлейлем её движущих сил, а с другой стороны, на сознательном возвышении Кромвеля как её единственного героя, суживает социальное и историческое значение этого величайшего в истории Англии события и совершенно лишает его социально-экономического обоснования.

Однако в общей оценке английской революции у Карлейля интересно и положительно то, что он правильно видит в ней не случайный мятеж, но начало современной ему Англии и поэтому принимает её в целом как положительный факт. Героем своим он избирает не Карла I, как это сделал бы всякий реакционер, и не Вильгельма III, героя «славной революции», которого превозносит до небес английские буржуазные историки, современники Карлейля: его героем в революции является Оливер Кромвель, вождь революционной английской буржуазии XVII в., памяти которого боялись многие непомятые родства «респектабельные» буржуа XIX века. И этот выбор делает честь Карлейлю-историку. При этом его «Письма и речи», помимо их историографического интереса, имеют очень большую историко-вещную ценность. Это было первое издание документов Кромвеля, необходимых для каждого историка революции, издание, которое до сих пор не утратило в этом смысле своего значения.

Французская революция 1789 г. была, по мнению Карлейля, третьим актом испровержения старого — восстанием против светских и духовных авторитетов. Её истории Карлейль посвятил лучшее из всех своих произведений — «Историю французской революции», — которое, по справедливому определению историка Фроуда, является «поэзией в прозе».

Характерно, что эта лучшая из его книг, по существу, отрицает «культ героев», ибо в ней нет единого героя. По собственному признанию Карлейля, «никогда ни одно великое дело не было исполнено более мелкими людьми, чем французская революция»³.

Хотя он и пытается сконцентрировать ход революции вокруг трёх героев — Мирабо,

² Carlyle. Oliver Cromwell's letters and speeches. Vol. II, p. 93.

³ Карлейль. Историческо-критические очерки. Мирабо, стр. 26.

¹ Carlyle. Oliver Cromwell's letters and speeches. Vol. I, p. 70.

Дантона и Наполеона Бонапарта, — но это ему не удаётся, и в его изображении эти герои воспринимаются не как творцы и инициаторы событий, но как люди, захваченные потоком революции и вынесенные на гребень её волны. Вся революцию в целом Карлейль рассматривает как непроверженное накопившейся лжи — «власти испорченной и обветшалой». Поэтому он воспринимает её как бесспорно положительный факт, как одновременное разрушение старого и формирование нового общества. Символом этого разрушающе-созидательного процесса он считает «санкюлотизм». «Не сторонитесь санкюлотизма, а признайте его тем, что он есть, — неизбежным концом старого и началом нового»¹, — говорит Карлейль. Но, кроме этого общего объяснения, он приводит и более конкретные причины революции. Это, во-первых, разложение принципа монархии, аристократии и католицизма, начавшееся после конца царствования Людовика XIV, а во-вторых, тяжёлое экономическое положение трудящихся, главным образом крестьянства.

Не доходя до понимания революции как буржуазной, так как он не выделяет буржуазию из общего понятия «народ». Карлейль ощущал её как широкое народное движение, направленное против политических и идеологических основ разлагающегося феодализма. «Для феодализма это последний день соборования»², — замечает он, описывая день открытия Генеральных штатов. Стихийное развитие народной революции, проявившееся в событиях 14 июля и 6 октября 1789 г., в празднике федерации, в революции 10 августа 1792 г., Карлейль противопоставляет как истинную революцию тому, что происходило в палатах короля и в Учредительном собрании. Поэтому конституцию 1791 г. он считает химерой и предвидит неизбежность раскола между Учредительным собранием и народом, раскола, который и приводит к революции 10 августа 1792 года.

Относясь с ужасом к сентябрьскому террору 1792 г., Карлейль в то же время считает его неизбежным и поэтому в конце концов оправдывает его точно так же, как и казнь Людовика XVI, которая была, по его мнению, необходимой в создавшихся условиях.

Анализируя затем причины борьбы между жирондистами и якобинцами, он в общем правильно раскрывает её социальный смысл, видя в ней борьбу между буржуазией и народом.

Идеалом жирондистов, говорит он, была «респектабельная республика для средних классов»³, которая была неосуществима в период разрушения всех авторитетов: «Ведь главным двигателем французской револю-

ции, как это всегда будет при подобных революциях, был голод, невзгоды и кошмарное угнетение 25 миллионов существ, а вовсе не оскорблённое самолюбие или спорные воззрения философов, богатых лавочников и земельного дворянства»⁴.

Якобинцы, которые понимали это, одержали верх над жирондистами, так как первых поддерживал народ. Так в данном конкретном анализе Карлейль вовсе сбрасывает со счетов развитие идей и даёт вполне материалистическое объяснение исторического факта. Среди якобинцев героем Карлейля является Дантон. К Робеспьеру и Марату он относится отрицательно. Поэтому весь период якобинской диктатуры после казни Дантона он считает мрачным царством террора. Тем не менее он в конечном итоге признаёт положительное историческое значение этого периода, когда в заключительной главе книги замечает: «История с грустью признает, что нельзя найти такого периода времени, в который бы все 25 миллионов французского народа страдало меньше чем в тот период, который называется царством террора»⁵.

В этих словах, в сущности, заключается моральное оправдание революции от начала до конца, включая диктатуру якобинцев. И это было написано в 1837 г., когда сама революция и её деятели всё ещё приговораются к позорному столбу, а многим историкам она всё ещё казалась безумием, овладевшим умами человечества.

В Наполеоне Бонапарте Карлейль видел завершителя революции. Однако он ставил Наполеона гораздо ниже Кромвеля. Он считал, что принятие императорского титула и конкордат с папой были результатом непомерного личного честолюбия Наполеона, которое шло в ущерб его обязанностям истинного героя-вождя. В общем несмотря на неправоподобность исходных историко-философских позиций Карлейля, его «История французской революции» явилась смелым выпадом против господствовавшего в европейской историографии того времени враждебного отношения к этому величайшему историческому событию. Эта страстная, исполненная пафоса книга до сих пор является пламенной защитительной речью в пользу французского революционного народа и памятником его героизма в буржуазной революции XVIII века.

В эту общую концепцию истории Европы, завершающуюся апофеозом французской буржуазной революции, никак не может быть включён последний исторический труд Карлейля — «История Фридриха II». В этом самом обширном и самом неудачном из всех его произведений Карлейль задался неблагодарной целью возвеличить в качестве героя коронованного прусского юнкера, о котором

¹ Карлейль. История французской революции. Т. I, стр. 300.

² Там же. Глава «Процессия».

³ Карлейль. История французской революции. Т. II. Кн. 3-я, гл. «Жирондисты».

⁴ Там же. Гл. «Люди в штанах и санкюлоты».

⁵ Карлейль. История французской революции. Т. III. Кн. 8-я. Глава V.

Маркс писал: «Всемирная история не знает короля, цели которого были бы так ничтожны».

13 томов этой работы посвящены всемерному восхвалению Фридриха II как политика, философа и человека, хотя приводимые Карлейлем в изобилии архивные документы рисуют Фридриха II вероломным, жестоким и фальшивым человеком и мелким политиком. Эти неудачные попытки Карлейля имеют вполне определённую цель. В образе Фридриха II он видит патриархального государя в стиле столь любезных его сердцу средневековых феодалов-аристократов. Фридрих II является для Карлейля воплощением Пруссии, государственный строй которой он противопоставляет государственному строю Англии и Франции XVIII века.

В прусском государственном строе его умиляют патриархально-юнкерский уклад и господство военной муштры, которую он считает обязательным атрибутом всякого правильно организованного государства¹. Это «идеальное» прусское государственное устройство есть, по мнению Карлейля, результат того, что прусский народ всегда умел выбирать и почитать своих героев.

Фридрих II в изображении Карлейля противопоставит как оплот мира и порядка бушующей вокруг него стихии разлагающегося XVIII в. — этой эпохи безверия, исполненной скепсиса и отрицания. Он «настоящий» король в отличие от распутного Людовика XV и ничтожного Георга I. Но Фридрих II противопоставит не только своим современникам. Карлейль хочет противопоставить его и дурным вождям Европы XIX века. «Я считаю не слишком неосуществимыми мои надежды при изображении этого последнего из королей показать в нём пример современникам»², — откровенно говорит он.

Почитатель Кромвеля, Мирабо, Дантона и Наполеона в 60-х годах XIX в. возводит в герои Фридриха II, излюбленную фигуру германской шовинистической историографии всех времён.

Как объяснить это бьющее в глаза противоречие между первыми работами Карлейля и его последней работой? Обычно это объясняют влиянием революции 1848 г., которая, как известно, вызвала резкий поворот вправо у многих буржуазных историков той эпохи (Гизо, Тьерри).

Влияние этого важнейшего политического события и на Карлейля совершенно очевидно. Страх перед революцией, охвативший одновременно почти все крупнейшие государства Европы, заставил проявиться в политических взглядах Карлейля те элементы, которые прежде терялись в его бунтарских тирадах против капитализма. В своих «современных памфлетах», которые явились прямым откликом на революцию 1848 г., Карлейль не столько критикует буржуазное общество, сколько сетует на всеобщее пре-

зрение к авторитетам и на победоносное шествие демократии. В революции 1848 г. он видит лишь разгул анархии и поэтому призывает представителей буржуазии занять руководящее место в европейских правительствах, с тем чтобы в случае необходимости расправиться с рабочим движением террористическими методами. Очевидно, это изменение в политических воззрениях Карлейля отразилось и на его исторических взглядах, результатом чего и явилась апология признанного вождя реакционного пруссачества, сменившего его прежних героев — революционных вождей. Однако дело тут далеко не в одном влиянии революции 1848 года.

Противоречия между взглядами, высказанными Карлейлем в «Истории французской революции» и «Истории Фридриха II», возникли ещё задолго до 1848 г. и нашли своё выражение в противоречии между его первыми «революционными выступлениями» и «неисторической апологией средневековья», отмеченном ещё в вышеуказанной статье Энгельса. Оно коренится в том, что «революционизм» Карлейля, проявившийся в его первых работах, был результатом не подлинной революционности, а лишь своеобразной формой критики капитализма с «феодално-социалистических» позиций.

Все основные положения его общенносторической концепции, на которых Карлейль строил своё восхваление Фридриха II и свои «Современные памфлеты», имеются уже в самых ранних его произведениях. И это прежде всего его «культ героев», который раньше служил ему для возвеличения революций прошлого, а потом стал служить для проповеди «порядка» и «военной муштры» в качестве руководящего начала для современности.

В этой смене героев ярче всего отразилась порочность всей общенносторической концепции Карлейля, допускающей предельно субъективное толкование истории.

По мере дальнейшего развития капитализма в Англии положение трудящихся несколько улучшилось в связи с начавшимся подкупом рабочего класса метрополии и некоторым расширением его политических прав. Английская буржуазия, ловко лавируя, «столкнула рабочих с пути широкой политической борьбы на путь тредюнионизма. Страшный призрак рабочего движения, казалось, потонул в море капиталистического «благополучия». И Карлейль перестал «погрязать нищенской сумой пролетариев»³ и превратился в одного из признанных и любимейших идеологов английской буржуазии.

Таков противоречивый и сложный образ Карлейля-историка. Его противоречивость является причиной того, что для современного читателя исторические работы Карлейля имеют далеко не одинаковую ценность. Его первые работы — «История французской революции», «Письма и речи Оливера Кром-

¹ Carlyle. History of Friedrich II. Vol. I, p. 12—13.

² Ibidem, p. 13.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. V, стр. 503.

веля» и ранние историко-биографические очерки—до сих пор читаются с интересом и, несмотря на неправильность исходных позиций автора, дают яркую характеристику описываемых периодов. Но его поздние работы — «Современные памфлеты» и «История Фридриха II» — справедливо забыты и теперь представляют лишь чисто историографический интерес.

Популярности исторического наследия Карлейля способствует исключительное своеобразие его исторического метода и литературного стиля. Подобно большинству историков-романтиков, Карлейль стремился дать читателю не столько научное объяснение событий, сколько ощущение «духа» исторических периодов. Он всегда старался прежде всего воспроизвести прошедшее во всей его непосредственности и колорите, что как нельзя больше соответствовало характеру его литературного дарования, его любви к метафоре, символу, литературному портрету. Его стремление всегда ставить в центре своих исторических работ одного главного героя также облегчало ему задачу образного воплощения прошедших времён.

По справедливому замечанию одного из его биографов — Фроуда, «у Карлейля был особый талант вызывать к жизни умерших людей и прошедшие события, превращать прошедшее в настоящее»¹.

Поэтому, избегая в своих работах исторических обобщений, Карлейль концентрировал всё своё внимание на обрисовке образов, на красочном изложении событий, которые он

не скупился иллюстрировать огромным количеством приводимых в тексте документов.

Но эта конкретная образность в конечном итоге должна была всегда подтверждать его личное отношение к данной эпохе или герою. Поэтому его исторические работы всегда проникнуты определённой идеей и по своей общей направленности чрезвычайно субъективны. Отсюда страстность и стремительность его изложения, которые нередко, особенно в «Истории французской революции», захватывают читателя и как бы вводят его в гущу происходящих событий.

К участникам описываемых событий Карлейль относится, как к своим хорошим знакомым. Он даёт им фамильярные клички (Кромвель — «Оливер», Робеспьер — «Зелёный», Фридрих II — «Фриц» и т. д.), сопровождает их действия одобрительными или возмущёнными возгласами.

Частям и главам он даёт фантастические, символические названия, то и дело делает «лирические отступления» и в момент особенно напряжённых событий переходит в своём повествовании с третьего лица на первое, как бы вступая в круг действующих лиц. При всём том все его исторические работы построены на очень большом и тщательно проработанном материале источников, и он, безусловно, всегда прекрасно знает ту эпоху, о которой пишет.

Всё это сообщает историческим работам Карлейля яркость и динамичность. Они воспринимаются очень легко и оставляют у читателя живые образы описываемой исторической эпохи и её деятелей.

¹ Froud. Thomas Carlyle's life, p. 292. 1887.